

Содержание

СОЙДИ, МОИСЕЙ!	5
Было. <i>Перевод В. Голышева</i>	7
Огонь и очаг. <i>Перевод В. Голышева</i>	32
Черная арлекинада. <i>Перевод О. Сороки</i> . . .	120
Старики. <i>Перевод О. Сороки</i>	141
Медведь. <i>Перевод О. Сороки</i>	161
Осень в Пойме. <i>Перевод О. Сороки</i>	293
Сойди, Моисей! <i>Перевод Н. Рахмановой</i> . . .	322
НЕПОБЕЖДЕННЫЕ. <i>Перевод О. Сороки</i> . . .	337
Засада	339
Отход	366
Рейд	399
Удар из-под руки	433
Вандея.	462
Сражение на усадьбе	488
Запах вербены	508

Моей няне Каролине Барр (1840–1940)

*Рожденной в рабстве и одарившей нашу семью без-
заветной и бескорыстной верностью, а мое дет-
ство — неизмеримой преданностью и любовью*

Было

I

Айзек Маккаслин, «дядя Айк», семидесяти лет с лишним и ближе к восьмидесяти, чем он соглашался признать, вдовый, дядя половине округа и не отец никому.

Свидетелем, а тем более участником этого был не он сам, а родственник старше его годами Маккаслин Эдмондс, внук тетки Айзека по отцу, то есть Маккаслин по женской линии, но несмотря на это наследник и в свою очередь завещатель того, что многие считали тогда и многие продолжали считать потом законной собственностью Айзека, поскольку его фамилии досталось от индейцев право на эту землю и его фамилию носили до сих пор некоторые потомки отцовых рабов. Однако Айзек был другой породы; вот уже двадцать лет вдовец, он всю свою жизнь владел только одним предметом, который нельзя было за раз надеть на себя, унести в руках и карманах, — узкой железной койкой с лиялым матрацем, на котором он спал в лесу, когда охотился на медведей или оленей, или ловил рыбу, или просто потому, что любил лес; он не имел никакой собственности и не желал иметь, ибо земля не принадлежит никому, а принадлежит всем, как свет, как воздух,

как погода; он так и жил в Джефферсоне, в дешевом каркасном домишке, который тесть отдал им, когда они поженились, а жена завещала ему перед смертью — и он сделал вид, будто принял дом, согласился, чтобы успокоить ее, не отравлять ей последние часы, но своим все равно не считал, вопреки завещанию, наследственному праву, последней воле и прочему, а держал только для свояченицы и ее детей, которые поселились у него после смерти жены, и гостил в нем, довольствовался одной комнатой, как при жене, как сама жена, пока была жива, как свояченица с детьми при его жизни и после.

Свидетелем не был и помнил только с чужих слов, — по рассказам своего двоюродного племянника Маккаслина Эдмондса, который родился в 1850 году, за шестнадцать лет до него, и, поскольку отец Айзека доживал седьмой десяток, когда родился Айзек, единственный ребенок, был больше братом, чем племянником, и больше отцом, чем братом, — о прежнем времени, о прежних днях.

II

Когда они с дядей Баком узнали, что Томин Терл опять сбежал, и примчались домой, на кухне раздавались крики и ругань дяди Бадди, а потом из кухни в коридор выскочила лиса с собаками, влетела в собачью комнату, и они услышали, как вся свора пронеслась через собачью комнату в их с дядей Баком комнату, оттуда опять вылетела в коридор, скрылась в комнате дяди Бадди, оттуда — опять в кухню, и на этот раз раздался грохот, как будто рухнула печная труба, а дядя Бадди заревел, как паровой гудок, потом из кухни вылетели вместе с лисой и собаками штук пять поленьев, а посреди всего этого — дядя Бадди, лупя по чему попало еще одним поленом. Славная была гоньба.

Когда они с дядей Баком вбежали в свою комнату, чтобы взять галстук дяди Бака, лису уже загнали на каминную полку с часами. Дядя Бак вынул из комода галстук, пинками расшвырял собак, снял за шкуру лису с каминной полки, засунул ее обратно в корзину под кроватью, и они пошли на кухню, где дядя Бадди выбирал из золы завтрак и обтирал его фартуком.

— Какого черта, — сказал он, — ты спускаешь на эту паршивую лису собак в доме?

— К черту лису, — ответил дядя Бак. — Томин Терл опять удрал. Давай нам с Касом завтрак поживее. Мы еще можем перехватить его по дороге.

Куда вела эта дорога, они знали точно — Терл отправлялся туда каждый раз, когда удавалось сбежать, а удавалось ему раза два в год. Бежал он в усадьбу мистера Хьюберта Бичема, сразу за границей округа — сестра мистера Хьюберта (он был тоже холостяк, как дядя Бак и дядя Бадди) Софонсиба все еще требовала от людей, чтобы эту усадьбу называли Уориком, ибо так называлась местность в Англии, где, по ее утверждению, мистер Хьюберт должен был титуловаться графом и только по недостатку гордости, не говоря уже об энергии, не потрудился вступить в свои законные права. Томин Терл бежал туда, чтобы поболтаться возле Тенни, девки мистера Хьюберта, покуда за ним не явятся. Удержать его дома, купив у мистера Хьюберта Тенни, они не могли: как говорил дядя Бак, у них и так на земле столько негров, что шагу ступить негде, а продать Терла мистеру Хьюберту они тоже не могли: мистер Хьюберт говорил, что не только не купит, но и бесплатно, в подарок, не возьмет этого чертова белого полумаккаслина, даже если дядя Бак и дядя Бадди будут платить за его комнату с пансионом. А если Терла сразу не забрать, мистер Хьюберт привезет его сам, вместе с мисс Софонсибой, и останется на неделю или дольше; мисс Софонсиба займет комнату дяди Бадди, а дядя

вообще выселится из дому и будет ночевать в одной из хибарок, где у прадедушки жили негры — когда прадедушка умер, дядя Бак и дядя Бадди переселили всех негров в большой дом, так и не достроенный прадедушкой, — и даже стряпать перестанет и в доме появляться, только после ужина посидит на галерее, в потемках, между мистером Хьюбертом и дядей Баком, пока мистер Хьюберт не устанет рассказывать, сколько еще голов негров и акров земли он даст в приданое за мисс Софонсией, и не ляжет спать. А однажды прошлым летом дяде Бадди не спалось, и он услышал в полночь, что мистер Хьюберт выехал со двора, — и пока разбудил их с дядей Баком, пока подняли мисс Софонсибу и она оделась, пока заложили коляску и нагнали мистера Хьюберта, уже рассвело. Так что за Томиным Терлом всегда отправлялись они с дядей Баком, потому что дядя Бадди вообще никуда не выезжал, даже в город и даже к мистеру Хьюберту за Томиным Терлом — хотя все трое понимали, что ему осмелиться на это в десять раз легче, чем рискнуть дяде Баку.

Позавтракали на скорую руку. Дядя Бак завязал галстук, пока бежали к загону ловить лошадей. Галстук он надевал только на ловлю Терла и ни разу не вытащил его из комода с прошлого лета, с той ночи, когда дядя Бадди разбудил их в темноте и сказал: «Вылезайте из постели, да поживее, черт возьми». У дяди Бадди вообще не было галстука; дядя Бак говорил, что он побоится надеть галстук даже в таком, черт возьми, краю, как этот, где дам, слава богу, так мало, что можно целый день скакать по прямой и ни от кого не уворачиваться. Как заметила бабушка (она была сестра дяди Бака и дяди Бадди и растила его после смерти матери. Отсюда и его имя — Маккаслин, Карозерс Маккаслин Эдмондс), дядя Бак и дядя Бадди пользовались галстуком так, словно лишний раз предлагали людям сказать,

что они похожи на двойняшек, — а они и в шестьдесят лет дрались со всяким, кто говорил, что не может их отличить; отец его ответил на это, что каждый, кто хоть раз сыграл с дядей Бадди в покер, никогда уже не спускает его ни с дядей Баком, ни с кем другим.

Джонас ждал их с двумя оседланными лошадьми. Дядя Бак вскочил на коня так, будто ему не шестьдесят лет: поджарый, подвижный, как кошка, с круглой, седой, коротко остриженной головой, серыми жесткими глазками и белой щетиной на подбородке, он только вдел ногу в стремя, и конь сразу пошел, и уже скакал в открытые ворота, когда дядя Бак опустил на седло. Он тоже взобрался на свою лошадку, не дожидаясь, пока Джонас посадит его, ударил ее пятками, и она пошла тугим коротким галопом, в ворота, за дядей Баком, но тут из-за ворот появился дядя Бадди (он его и не заметил) и поймал повод.

— Следи за ним, — сказал дядя Бадди, — следи за Теофилом. Если что не так, сию же минуту скачи за мной. Слышишь?

— Да, сэр, — ответил он. — Отпустите меня. Я дядю Бака не догоню, не то что Терла.

Дядя Бак ехал на Черном Джоне, потому что, если они увидят Терла хотя бы за милю от дома мистера Хьюберта, Черный Джон настигнет его в две минуты. И когда они выехали на длинное поле, милях в трех от дома мистера Хьюберта, впереди, в миле от них, в самом деле показался Томин Терл верхом на муле Джейке. Дядя Бак выбросил руку в сторону и назад, осадил коня и, пригнувшись, вытянув вперед маленькую круглую голову на морщинистой шее, как черепаха, прошептал:

— Спрячься! Чтобы он тебя не увидел, — а то спугнем. Я поскачу в обход лесом, и мы загоним его у брода.

Он подождал, пока дядя Бак не скрылся в лесу. Потом доехал. И все-таки Томин Терл увидел его. Он слишком быстро сблизился с Терлом — испугался, на-

верное, что не поспеет к концу охоты. Лучшей гоньбы он в жизни не видел. Он никогда не видел, чтобы старший Джейк бежал так резво, — и никто не помнил, чтобы Томин Терл передвигался быстрее, чем обычным своим пешим шагом, даже когда ехал верхом на муле. Дядя Бак гикнул раз из лесу, потом показался сам, потом — Черный Джон, устремленный вперед, вытянутый, распластавшийся в воздухе, как коршун, и дядя Бак вопил, лежа у него прямо за ушами, так что казалось, это и в самом деле большой черный коршун с воробьем на спине, — через поле, через ров, через другое поле, — и он тоже скакал; кобылка перешла на галоп неожиданно для него, — и он тоже вопил. Потому что Томин Терл, едва завидя их, должен был бы спрыгнуть с мула и убежать на своих двоих, как подобало негру. А он этого не сделал; наверное, он столько раз удирал от дяди Бака, что и удирать приучился как белый. И похоже было, что Томин Терл со старым Джейком прибавили обычную пешую скорость Терла к самой большой, какую Джейк показывал в жизни, — и этого как раз хватило, чтобы успеть к броду раньше дяди Бака. Когда он прискакал туда на своей лошадке, бока у Черного Джона вздымались и были в пене, а дядя Бак, спешившись, водил его по кругу, чтобы остудить, и в какой-нибудь миле трубил обеденный рог мистера Хьюберта.

Но Томин Терл и там не появился. Мальчишка все еще сидел на верее и трубил в рог — ворот не было, только два столба, и на одном сидел мальчишка-негр его роста и трубил в охотничий рог: это мисс Софонсиба до сих пор напоминала людям, что усадьба зовется Уорик, хотя они давно zapomнили, как она хочет ее звать, а когда не называли ее Уориком, мисс Софонсиба словно бы и не понимала, о чем идет речь, и создавалось впечатление, что у нее с мистером Хьюбертом две разные плантации на одном и том же участке земли, одна поверх другой. Мистер Хьюберт, разутый, сидел

в кладовке над родником и, опустив ноги в воду, пил пунш. Томиного Терла тут никто не видел; мистер Хьюберт как будто и не сразу понял, о ком говорит дядя Бак.

— А-а, этот негр, — сказал он наконец. — Найдем его после обеда.

Только похоже было, что обедать им не придется. Мистер Хьюберт и дядя Бак выпили пуншу, и наконец мистер Хьюберт послал сказать мальчишке на воротах, что можно перестать трубить, потом они с дядей Баком опять выпили пуншу, и дядя Бак все повторял:

— Мне только негра поймать, и все. И сразу поедем домой.

— После обеда, — отвечал мистер Хьюберт. — Не застукаем его где-нибудь возле кухни, так пустим собак. Они его найдут — если это по силам смертным уокеровским гончим.

Наконец в проломленной ставне на втором этаже рука замахала платком или еще чем-то белым. Они отправились в дом, и, проходя через заднюю террасу, мистер Хьюберт, как всегда, предупредил их насчет гнилой половицы, которую надо бы заменить. Пока они стояли в передней, послышалось звяканье и шуршание, запахло духами, и по лестнице спустилась мисс Софонсиба. Волосы у нее были убраны под кружевную шапочку, она была в воскресном платье, на шее бусы и красная лента, веер ее несла отдельно девочка-негрятянка, и он тихо стоял позади дяди Бака и наблюдал за ее ртом, дожидаясь, когда покажется чалый зуб. До нее он никогда не видел людей с чалым зубом и сейчас вспомнил, как бабушка, беседуя с отцом о дяде Бадди и дяде Баке, сказала, что мисс Софонсиба в свое время созрела в красивую женщину. Может, так оно и было. Он в этом не разбирался. Ему шел только десятый год.

— А-а, мистер Теофил, — сказала она. — И Маккаслин, — сказала она. На него она не посмотрела и говорила не с ним, — он это понимал, но уже изготовил-

ся отвесить поклон, когда поклонится дядя Бак. — Добро пожаловать в Уорик.

Дядя Бак отвесил поклон, и он тоже.

— Я приехал за своим негром, — сказал дядя Бак. — И сразу поедem домой.

Тогда мисс Софонсиба произнесла что-то насчет шмеля, но он не запомнил, что именно. Сказано было слишком много и слишком быстро, серьги и бусы позванивали и позвякивали, как цепочки в сбруе игрушечной лошадки, а духи пахли сильнее прежнего, как будто серьги и бусы прыскали ими при каждом ударчике, и он следил за чалым зубом, то и дело мелькавшим между губ, — но, в общем, что-то в том смысле, что дядя Бак это шмель, который порхает с цветка на цветок и снимает нектар, нигде не задерживаясь, и вся эта накопленная сладость будет растрочена в пустыне дяди Бадди, причем дядю Бадди она называла мистером Амодеем, так же как дядю Бака мистером Теофилом, — а может быть, мед сберегается до пришествия некоей королевы, и кто же будет эта королева? и когда?

— Простите? — сказал дядя Бак.

А мистер Хьюберт сказал:

— Хм. Шмель. Я думаю, негру он покажется шершнем, когда он доберется до этого негра. А что до нектаров, я думаю, Бак предпочел бы сейчас мясной подливки и чашку кофе с бисквитом. Я тоже.

Они пошли в столовую, начали есть, и мисс Софонсиба сказала, что, в самом деле, соседи, которые живут друг от друга всего в полудне езды, не должны пропадать так надолго, как дядя Бак, и дядя Бак сказал: «Да, мэм», — а мисс Софонсиба сказала, что дядя Бак просто прирожденный холостяк и перекаати-поле, и на этот раз дядя Бак даже перестал жевать и, посмотрев на нее, сказал: да, мэм, именно так, и слишком давно притом родился, чтобы стать другим, но и на том спасибо, что ни одной даме не грозит печальная участь коротать свои

дни в обществе его и дяди Бадди; на что мисс Софонсиба сказала: ах, может быть, дядя Бак просто еще не встретил женщины, которая не только смирится с тем, что дяде Баку угодно называть печальной участью, но и убедит дядю Бака, что его свобода будет совсем недорогой ценой; и дядя Бак сказал:

— Да, мэм. Еще не встретил.

Потом мистер Хьюберт, дядя Бак и он вышли на переднюю террасу и сели. Не успел мистер Хьюберт снять башмаки и предложить дяде Баку снять свои, как появилась мисс Софонсиба с пуншем на подносе.

— Черт, Сибби, — сказал мистер Хьюберт. — Он только что поел. Он сейчас не хочет этого.

Мисс Софонсиба будто не слышала. Она стояла перед ними, и чалый зуб уже не мелькал, а виден был все время, потому что она не разговаривала, а только протягивала поднос дяде Баку; но немного погодя сказала: ничто так не подсластит миссисипский пунш, как рука миссисипской дамы, — так говорил ее папа, и не хочет ли дядя Бак попробовать, как она подслащивала пунш своему папе? Она взяла пунш, отпила и опять протянула дяде Баку, и на этот раз дядя Бак его взял. Он опять поклонился, выпил пунш и сказал, что если мистер Хьюберт хочет прилечь, то он тоже прилег бы, потому что, кажется, Томин Терл заставит их сегодня побегать — если только собаки мистера Хьюберта не стали за это время намного лучше.

Мистер Хьюберт с дядей Баком ушли в дом. Немного погодя он тоже встал и отправился на задний двор, ждать их. И не успел выйти, как увидел плывущую над изгородью голову Томиного Терла. Он кинулся через двор, ему наперерез, но оказалось, что Томин Терл и не думал убегать. Он сидел на корточках за кустом и наблюдал за домом, поглядывая из-за куста на черный ход и на верхние окна, и не то чтобы шепотом, а просто вполголоса спросил: